

УДК 930. 1(47)(092)
LCC DK38

М. А. Руднев

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

«Идеологическое обличье» М. П. Погодина в дооктябрьской и советской историографии: основные вехи оценочной трактовки

На материале историко-биографических работ, а также обобщающих и специальных исследований по истории русской общественно-политической мысли, в частности ее консервативного направления, рассмотрены оценки и трактовки идейного наследия М. П. Погодина в дооктябрьской и советской историографии, прежде всего, проблемы «точной» социально-классовой идентификации погодинского консерватизма и его эволюции в сторону большей идеологической широты и ситуативной прогрессистской оппозиционности политике царского правительства.

Ключевые слова: Мировоззрение; эволюция; консерватизм; теория официальной народности; трактовка; оценка; историография.

Руднев М. А. «Ідеологічне обличчя» М. П. Погодіна у дожовтневій та радянській історіографії: основні вехи оціночної трактовки

На матеріалі історико-біографічних праць, а також узагальнюючих і спеціальних досліджень з історії російської суспільно-політичної думки, зокрема її консервативного напрямку, розглянуто оцінки і трактовки ідейної спадщини М. П. Погодіна у дожовтневій та радянській історіографії, насамперед, проблеми «точної» соціально-класової ідентифікації погодинського консерватизму та його еволюції у бік більшої ідеологічної широти та ситуативної прогресистської опозиційності політиці царського уряду.

Ключові слова: світогляд; еволюція; консерватизм; теорія офіційної народності; трактовка; оцінка; історіографія.

Rudnev M. A. «Ideological character» of M. P. Pogodin in the Pre-October and Soviet historiography: the main landmarks of the appraisal's treatment

On the materials of the historico-biographical treatises and the generalizing works and special essays in history of the Russian social and political thought the historiographical appraisals and treatments of the ideological character of M. P. Pogodin given by the Pre-October and Soviet historians are examined. This problematico-historiographical review is realized in the context of phenomenon of the so-called «theory of the Official Nationality» in the period of the Nicholas I reign. A. N. Pypin, liberal and westernist historian of literature and social thought, was the real maker of this debatable historiographical ideological construction. He considered M. P. Pogodin the eminent representative of the «Official Nationality» and the odious conservator-conformist. Other Pre-October historians and publicists (S. Ashevskiy etc.) focused their research attention to Pogodin's «Political letters» (1853–1856) in which his opposition to Nicholas I regime's policy and certain progressive features of his position were especially strongly manifested. G. V. Plekhanov's work «Pogodin and the class struggle» (1911) determined the typical for the following Marxist and Soviet historiography fixed interest to the class roots of his conservatism and sociological identification that as the «bourgeois». The late Soviet authors (V. K. Tereshchenko) which were adherents of the class treatment also and the contemporary Russian historians of the «Soviet school» (V. Ya. Grosul, R. G. Eymontova) emphasized the heterogeneity and evolutionary character of the Pogodin's position, the increasing presence of the critical and progressive elements in his conservative world outlook on the whole.

Keywords: World Outlook; Evolution; Conservatism; Theory of the Official Nationality; Treatment; Appraisal; Historiography.

Постановка проблемы. Обостренный и не-преходящий научно-общественный интерес к историческому наследию русского консерватизма дооктябрьского периода, обусловленный, среди прочего, прямым «социальным заказом» с самого верха правящей элиты сегодняшней Российской Федерации, в его наиболее популярном и идеологизированном выражении реализуется в создании разноформатных персонологических работ о выдающихся консерваторах, в предельном хронологическом диапазоне от М. М. Щербатова до В. В. Шульгина. При этом востребованность и популярность «консервативной проблематики» в российском (а отчасти и в соседнем постсоветском) интеллектуальном пространстве, наряду с ее впечатляющей научно-творческой и мемориальной результативностью, имеет очевидные «этологические издержки». Среди прочего, речь идет о неизбежной схематизации реальных исторических фигур русских консерваторов второй половины XVIII – начала XX вв. путем редуцирования их многогранной деятельности и зачастую противоречивого и эволюционирующего мировоззрения к набору расхожих историко-политологических дефиниций и хрестоматийных историко-биографических «амплуа». Показательным случаем подобной схематизации живой персонологической реальности представляется посмертная «историографическая участь» М. П. Погодина (1800–1875), известного ныне в первую очередь как одного из главных адептов системного консерватизма николаевской эпохи – т. н. «теории официальной народности». Что касается его главной творческой ипостаси ученого-историка, то – во всяком случае, для украинского общественно-исторического сознания – он предстает исключительно как автор одиозной «погодинской теории» о полном запустении Киева и Южной Руси после монголо-татарского нашествия в результате тотального исхода ее населения на Северо-Восток – теории, целиком и полностью отказывающей украинцам в праве на «киевское наследие», но при этом «хирургическим путем» отбрасывающей саму постановку вопроса об изначальном этническом единстве и онтологическом «братстве» будущих восточнославянских народов.

Одним из первых шагов на пути частичной демифологизации идеологического облика М. П. Погодина и его научной реконструкции во всей полноте и многомерности должно стать обращение к истокам его историографического образа, генезису и предварительным итогам его формирования в дооктябрьской и советской научной гуманитаристике, что, в свою очередь, заложило основу новейших оценок и интерпретаций погодинского идейного наследия.

Изложение основного материала. Очевидно, что компетентный разговор «на заданную тему» невозможен в отрыве от общего контекста дисциплинарного становления истории русской общественной мысли как относительно самостоятельной отрасли научно-исторического знания, впервые заявившей о себе в 1850–1870-х гг. в научно-публицистических и, реже, в монографических работах А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, К. Д. Кавелина, А. Н. Пыпина и др. – и от первых опытов обращения указанных авторов (среди которых практически безраздельно преобладают представители леворадикального и либерально-западнического лагерей) к злободневным для них идеологическим процессам и «знаковым» фигурам недавнего прошлого – эпохи правления Николая I (1825–1855) – в частности, к феномену тогдашнего системного консерватизма и его адептам.

Приоритет в создании обобщающего труда, посвященного русской общественной мысли второй четверти XIX в., и, соответственно, в выработке целостной концепции истории консервативной идеологии этого периода, включающей в себя развернутые оценочные характеристики ее ключевых представителей, в том числе, разумеется, М. П. Погодина, принадлежит А. Н. Пыпину (1833–1904). Речь идет о его фундаментальной работе «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки» (Пыпин, 1909), впервые вышедшей отдельным изданием в 1873 г.

Именно А. Н. Пыпин наделил официально-охранительную версию консервативной идеологии второй четверти XIX в. ее хрестоматийно-знаковым наименованием, дав третьей главе своего труда название «Народность официальная».

Современному историку общественной мысли бросается в глаза очевидный концептуальный «максимализм» А. Н. Пыпина, который проявился в причислении к «официальной народности» практически всех крупных писателей и мыслителей николаевской эпохи, в той или иной мере отдававших дань консервативным идеям. Среди них оказались и явные прагматики консерватизма, готовые «колебаться вместе с «генеральной линией» официальной идеологии (Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч и О. И. Сенковский) и такой консерватор-«европофил» как В. А. Жуковский, и, наконец, А. С. Пушкин.

Что касается «общепризнанных» адептов «теории официальной народности», то им А. Н. Пыпин уделяет относительно скромное внимание.

Касаясь деятельности М. П. Погодина как редактора журнала «Москвитянин», А. Н. Пыпин дает ей вполне предсказуемую в устах либерально-западнического автора нелицеприятную характеристику: «Журнал Погодина не пользовался

уважением (*[у кого? – Авт.]*), велся плохо, вместе с «Маяком» он был в литературе представителем «древнего благочестия» и квасного патриотизма» (Пыпин, 1909, с. 268).

Несколько большее внимание уделяется Погодину-историку в V главе «Характеристик...», носящей название «Развитие научных исследований народности». Называя его «одним из самых характеристических представителей... взглядов, отличавших систему официальной народности», А. Н. Пыпин обнаруживает в погодинских исторических работах присутствие «особой публицистической теории», якобы сводящейся к «панегирику настоящего» (Пыпин, 1909, с. 211, 213). Автор «Характеристик...» инкриминирует своему старшему коллеге и идейному антагонисту «высокопарную лесть существующему порядку» и лишь мельком упоминает о его «вызовах в новую славянскую политику», оставшихся в то время «не вполне известными» широкой публике (Пыпин, 1909, сс. 213, 214).

Трудно допустить, что А. Н. Пыпин умышленно замалчивал идейную эволюцию М. П. Погодина, кульминацией которой стал неожиданный всплеск его оппозиционности николаевской системе в «Историко-политических письмах» периода Крымской войны, и таким образом целенаправленно создавал тенденциозно одностороннюю картину погодинского мировоззрения. Представляется более вероятным, что автор «Характеристик...» не включил этот общеизвестный для историка общественной мысли факт в хронологические рамки своего исследования «официальной народности», потому что относил его уже к иной, предреформенной исторической ситуации.

Значительный интерес вызывает вывод историка литературы о том, что М. П. Погодин и С. П. Шевырев представляли «особую школу, которой не надо смешивать с славянофильством» (Пыпин, 1909, с. 136). Вполне очевидно, что А. Н. Пыпин вкладывал в это понятие не только научно-«корпоративное», но и идеологическое содержание.

Самой монументальной вехой историографического процесса конца XIX – начала XX вв., вышедшей точкой «экстенсивного» развития историко-ведения русской литературы, истории культуры и общественной мысли стала двадцатидвухтомная историко-биографическая «летопись» Н. П. Барсукова (1838–1906) «Жизнь и труды М. П. Погодина» (1888–1910), оставшаяся незавершенной. Разумеется, сюжетно-тематические рамки этого фундаментального труда неизмеримо шире, чем самая подробная биография М. П. Погодина. Представляя собой в «техническом» отношении многолетний безостановочный цикл публикаций

из погодинского архива, работа Н. П. Барсукова рассматривается современными исследователями прежде всего как «уникальный по объему свод фактических сведений, относящихся к 20–60-м годам», или, другими словами, как «важнейший источник по истории литературы и культуры 19 в.» (Осповат, 1989, с. 165). Можно присоединиться к оценке российско-американского литературоведа А. Л. Осповата, который в энциклопедической статье о Н. П. Барсукове говорит об отказе автора «Жизни и трудов М. П. Погодина» от «какой-либо критической интерпретации текстов, от научного анализа исторических фактов» и отмечает его «ориентацию на летописный, не исторический тип повествования» (Осповат, 1989, с. 165). Исходя из этого представляется очевидным фактом неприменимость к барсуковской эпопее задач и методов историографического (историко-научного) исследования. Вместе с тем идейно-концептуальная позиция автора, отражавшаяся в его лаконичных итоговых комментариях к публикуемым материалам, которые в ряде случаев имеют вид морализаторских вставок и еще больше усиливают впечатление принадлежности «Жизни и трудов М. П. Погодина» к «летописному» типу повествования, вызывают живой профессиональный интерес у историка русского консерватизма. Историографическая значимость упомянутых авторских вставок определяется крайне охранительными социально-политическими воззрениями Н. П. Барсукова, который к тому же в последние годы своей жизни вместе с братом А. П. Барсуковым организовал один из консервативных аристократических кружков, собиравшийся у них дома и получивший прозвание «Патриаршей палаты».

Соответственно, его обращение к творческому наследию М. П. Погодина следует рассматривать как один из первых опытов научно-публицистического осмысления собственной идейной традиции русскими консерваторами. По мнению А. Л. Осповата, именно «фигура Погодина – профессора, вышедшего из крепостных – воплощала... его излюбленный тезис о союзе дворянства и крестьянства, предусмотренного самодержавным строем» (Осповат, 1989, с. 165).

Для историографа общественной мысли самым примечательным моментом является демонстрация Н. П. Барсуковым своей откровенно продворянской позиции в комментариях к текстам погодинских «Историко-политических писем» 1854–1856 гг. В этом цикле публицистических работ отразились идеи социально-политического критицизма и консервативного реформизма, что явилось результатом идейной эволюции М. П. Погодина и его очевидного отхода от оптимистического охранительства 1830–1840-х гг. Самым ра-

дикальным и «репрезентативным» из погодинских политических писем периода Крымской войны по праву считается октябрьская записка 1854 г. («О влиянии внешней политики на внутреннюю»), представленная на высочайшее имя. Приводя пространный отрывок из упомянутой записки, представляющий собой настоящий «обвинительный акт» против российского потомственного дворянства, Н. П. Барсуков комментирует его следующим образом: «Выслушав эту страшную речь, мы позволим себе заметить, что в интересах правды было бы весьма желательно иметь список помещиков, убитых крестьянами. Этот список ясно покажет, что весьма мало коренных русских дворянских фамилий опозорено поносною смертию своих отцов и братьев. ...и по доблестной инициативе самого же дворянства совершилось вскоре и самое освобождение крестьян» (Барсуков, 1899, с. 166).

Однако для становления и развития проблемной историографии русского консерватизма многолетняя хроника Н. П. Барсукова имела в первую очередь внутринаучное (или, образно говоря, «наукообразующее») значение. Ведь сам факт многолетней непрерывной и беспрецедентной публикации источников по данной проблематике в той или иной мере определял тематические приоритеты тогдашних историков, получавших в свои руки ценный и многообразный «рабочий материал».

Значительной вехой историко-публицистического осмысления общественно-политических взглядов М. П. Погодина стала статья С. Ашевского (псевдоним М. Н. Столярова) «Политические письма Погодина (По поводу 25-летия его смерти)», опубликованная в журнале «Образование» (1900, № 12) и посвященная кульминационному пункту идейной эволюции нашего героя. Опираясь, по собственным словам, на материалы из «монументального труда Н. П. Барсукова», С. Ашевский реконструирует «внешнюю» историю историко-политических писем и записок М. П. Погодина, впервые изданных в виде отдельной книги в 1874 г. Либеральный публицист относит ее к числу «замечательнейших и интереснейших русских книг вообще» и акцентирует внимание на впечатляющей эволюции погодинского мировоззрения (Ашевский, 1900, с. 2). По утверждению С. Ашевского, военные неудачи Крымской войны «изменили его отношение к внутренней политике России и сделали из него... страстного обличителя... внутренней лжи, слабости и отсталости России от «гнилого Запада» (Ашевский, 1900, с. 25). Автор мемориальной статьи отмечал, что, несмотря на всю мрачность нарисованной М. П. Погодиным картины дореформенной России, от «не отчаивался в будущем своего отечества», а, напротив, предлагал «целый ряд средств,

о которых полвека тому назад позволяли себе мечтать только передовые русские умы» (Ашевский, 1900, с. 23). Наибольшее практическое значение имело идейное влияние, которое погодинские письма якобы оказывали на «искренних и убежденных» приверженцев «дореформенного режима» или, согласно памфлетной терминологии С. Ашевского, «квасных патриотов» (Ашевский, 1900, с. 25). «В этом уяснении причин неудачного исхода Крымской войны и в резкой критике дореформенного режима и заключается важная историческая роль погодинских писем, которые многим тысячам читателей уяснили необходимость коренных реформ и расчистили дорогу для преобразовательной деятельности императора Александра II», – заключает С. Ашевский (Ашевский, 1900, с. 27).

В то же время либеральный публицист весьма скептически оценивает реальный «реформаторский потенциал» политических идей М. П. Погодина: «Если в области внешней политики Погодин предлагал меры непрактичные, неудобоприменимые и даже прямо курьезные..., то относительно уврачевания внутренних язв России он сделал только самые общие указания на гласность, образование, освобождение крестьян т. д.» (Ашевский, 1900, с. 27). Как самый яркий пример идейной и психологической неготовности М. П. Погодина к «активной роли после Крымской войны» С. Ашевский рассматривает его проект отмены крепостной зависимости, относящийся к 1856 г. и достойный, по его словам, «гоголевского Манилова». Суть этого проекта состояла в безземельном освобождении крестьян путем «постепенного выкупа... по жребию в течение неопределенного времени» (Ашевский, 1900, с. 28). Кроме того, С. Ашевский отрицает какую бы то ни было оригинальность реформаторских идей М. П. Погодина, отмечая, что «большая часть высказанных им историко-политических взглядов представляет повторение идей западных пан-славистов и русских славянофилов» (прежде всего А. С. Хомякова) (Ашевский, 1900, с. 26).

Главной концептуальной сверхзадачей пространной статьи Г. В. Плеханова «М. П. Погодин и борьба классов», написанной в 1911 г., является утверждение практически полной идентичности «теории официальной народности» и идеологии раннего славянофильства.

Что касается итоговой оценки Г. В. Плехановым «теории официальной народности», то она соответствует его общей исторической концепции, в которой Московское царство и Российская империя предстают как аналог «восточных деспотий»: «Возникнув как идейная реакция против общественных потрясений, вызываемых классовой борьбой в Западной Европе, она естественно

привела к идеализации «Востока» ([*кавычки* Г. В. Плеханова. – *Авт.*]), который считался застрахованным от таких потрясений счастливыми особенностями своего социального быта и своего политического строя» (Плеханов, 1923, с. 54). В данном случае нас интересует конкретный историко-персонологический аспект, а именно плехановские характеристики личности и мировоззрения М. П. Погодина. В строгом соответствии с «духом и буквой» марксистской социологии Г. В. Плеханов максимально акцентирует тему «разночинного» социального статуса историка-охранителя, выводя из него специфику его консерватизма: «Этот сын крепостного человека представлял собою тот период в развитии наших образованных разночинцев, когда они совсем еще не имели веры в народную самостоятельность... Не веря в народ и относясь с недоверием к дворянству, разночинцы могли обращаться только к правительству. Это мы и видим у Погодина» (Плеханов, 1923, с. 67). Разумеется, основоположник русского марксизма не обходится без резких обличительных выпадов в адрес историка-охранителя, например, констатирует «свойственный ему рабопепный и неуклюжий цинизм» (Плеханов, 1923, с. 66).

Остается добавить, что обзорная оценочная характеристика общей концепции плехановской работы, как одной из самых радикальных версий «консервативной» идентификации раннего славянофильства (вплоть до постулата о его реакционности и полном тождестве с теорией «официальной народности»), была представлена в статье автора этих строк «Историографическая судьба славянофильства как «индикатор» понятия «русский консерватизм»», опубликованной в «Віснику Дніпропетровського університету» (Руднев, 2010).

Одним из неисчислимых побочных следствий трагически необратимого процесса тотальной идейно-тематической унификации исторической науки в советской идеократической системе стало практически полное отсутствие в 1920–1960-х гг. специальных исследований, посвященных «теории официальной народности». Предельно жесткая идеологизированная трактовка соответствующих сюжетов, типичная для историографии сталинской эпохи, присутствует в двух обобщающих работах первой половины 1950-х гг.: конспекте лекций В. С. Покровского «История русской политической мысли» (Покровский, 1952) и в двухтомных коллективных «Очерках по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» (Васецкий, 1955).

Поворотным пунктом в советской историографии русского консерватизма второй четверти XIX века можно считать кандидатскую диссертацию

В. К. Терещенко «Погодин в общественно-идейной борьбе 30–50-х гг. XIX столетия» (Терещенко, 1975). В ней в строгой хронологической последовательности рассматривается формирование общественно-политических воззрений М. П. Погодина в 1820–1830-е гг. (I глава), позиция историка-охранителя в спорах славянофилов и западников в 1840-е гг. (II глава) и, наконец, его общественно-политические взгляды 1850-х гг. (III глава). (Основное содержание второй главы было изложено в одноименной статье В. К. Терещенко, опубликованной в издававшемся в МГУ сборнике аспирантских работ «Проблемы истории СССР» (Терещенко, 1976).

Одним из ключевых концептуальных моментов диссертации является тезис о противоречивости «общественно-идейных позиций» М. П. Погодина, который «с одной стороны, сохранил некоторые черты умеренного дворянского реформизма, воспринятые им в 20-х годах», а с другой, – исповедуя «концепцию самодержавия как национальной силы», старался «согласовывать свои суждения с намерениями правительства» (Терещенко, 1976, с. 247). По утверждению В. К. Терещенко, «все это обусловило формирование у Погодина своеобразного мировоззрения, основанного на эклектическом смешении разнородных начал», в том числе специфику толкования им «теории официальной народности», основные постулаты которой он сочетал с умеренным реформизмом (Терещенко, 1976, с. 247). Настойчиво акцентируя «своеобразие Погодина как общественного деятеля», советский историк отмечает: «Будучи сторонником «официальной народности», он по-своему трактовал составные части уваровской триады, не раз проявлял самостоятельность суждений» (Терещенко, 1975, с. 5).

В. К. Терещенко касается также проблемы отношения М. П. Погодина к крепостному праву. Отмечая «незначительность» данных по этому вопросу, диссертант тем не менее приходит к однозначному выводу: «Несомненно, он был противником крепостного права» (Терещенко, 1976, с. 263). Вместе с тем он констатирует непреодолимость мировоззренческих разногласий между редактором «Москвитянина» и славянофилами. (Главной линией идейного размежевания между ними В. К. Терещенко считает отношение к проблеме «народ и государство») (Терещенко, 1976, с. 259).

По утверждению советского историка, «своеобразие позиции Погодина особенно наглядно проявилось в годы Крымской войны и назревания революционной ситуации, когда он проявлял большую смелость в критике действий правительства» (Терещенко, 1975, с. 26). «Оставаясь на сугубо консервативных позициях, Погодин видел пути укрепления устоев самодержавия и предотвраще-

ния революции не в незыблемом сохранении всех социально-политических основ самодержавия, а в проведении весьма существенных реформ, – утверждает В. К. Терещенко. – По своей объективной направленности предлагаемые реформы имели буржуазный характер» (Терещенко, 1975, с. 27). Исходя из этого В. К. Терещенко квалифицирует общественно-политическую позицию М. П. Погодина как некий «буржуазный консерватизм» (Терещенко, 1975, с. 27).

В заключение советский исследователь максимально акцентирует свой концептуальный тезис о «буржуазном» характере мировоззрения и деятельности М. П. Погодина, отмечая «определенную зависимость его взглядов и действий от формировавшейся буржуазной идеологии» с «характерными для нее принципами союза с феодально-крепостнической монархией, умеренным реформизмом, провозглашением классового мира» (Терещенко, 1975, с. 27). Впадая в очевидный «вульгарный социологизм», истоки которого восходят еще к основоположникам русской марксистской историографии М. Н. Покровскому и Н. А. Рожкову, В. К. Терещенко следующим образом резюмирует основное концептуальное содержание своего диссертационного исследования: «Именно наличие черт буржуазного консерватизма определило своеобразное место Погодина в общественно-идейной борьбе эпохи. Его противоречивые позиции соответствовали позициям русской буржуазии...» (Терещенко, 1975, с. 27).

В первое постсоветское десятилетие реализацией очевидной научно-методологической потребности во всестороннем исследовании «официальной народности» как конкретно-исторического феномена в общем контексте истории русского консерватизма стала написанная Р. Г. Эймонтовой II глава итогового обобщающего труда «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» (М., 2000), который был подготовлен авторским коллективом в составе известных московских историков «старой школы» во главе с В. Я. Гросулом.

По мнению современной исследовательницы, в доктринальных рамках «теории официальной народности» М. П. Погодин и С. П. Шевырев вместе со своими единомышленниками представляли «наиболее характерную для николаевского времени разновидность российских консерваторов, отличавшуюся «православно-русским направлением» (выражение П. А. Вяземского) (Гросул, Итенберг, Твардовская, Шацилло, Эймонтова, 2000, с. 130). Р. Г. Эймонтова констатирует пережитую обоими учеными-охранителями «заметную идейную эволюцию» и неоднозначность их «общественной роли», одновременно, в традициях советского историографического официоза, проти-

вопоставляя друг другу их консервативную общественно-политическую позицию и научно-публицистическую деятельность, которая содействовала «распространению знаний, повышению культурного уровня русского общества, росту в нем национального самосознания» (Гросул, Итенберг, Твардовская, Шацилло, Эймонтова, 2000, с. 131). Кроме того, российская исследовательница отмечает внутреннюю противоречивость погодинского консерватизма и присутствие в нем прогрессистских элементов: «Однако, придерживаясь консервативных взглядов на государственное устройство России, ученый в то же время был убежденным сторонником отмены крепостного права, и свою приверженность самодержавию основывал прежде всего на просветительской миссии, которую с ним связывал» (Гросул, Итенберг, Твардовская, Шацилло, Эймонтова, 2000, с. 129).

Кроме того, Р. Г. Эймонтова особо акцентирует тот историографически общеизвестный факт, что М. П. Погодин «преклонялся перед Петром I как великим преобразователем отечества», а «реакционную политику последних лет царствования Николая I он не одобрял» (Гросул, Итенберг, Твардовская, Шацилло, Эймонтова, 2000, с. 129). Более того, согласно ее решительному утверждению, «в середине 50-х годов позиции Погодина и либерально настроенных сторонников реформ сомкнулись» (Гросул, Итенберг, Твардовская, Шацилло, Эймонтова, 2000, с. 129).

Цитированный вывод Р. Г. Эймонтовой (вполне хрестоматийный даже с точки зрения дооктябрьской историографической традиции) был «развернут» и конкретизирован в следующей (III) главе рассматриваемой коллективной монографии, написанной ее соавтором и руководителем авторского коллектива В. Я. Гросулом. Обращаясь к погодинским «Политическим письмам» времен Крымской войны, московский историк «советской школы» обнаруживает в них явное свидетельство «эволюции взглядов некогда убежденного охранителя и горячего проповедника самобытности русского исторического процесса», который «стал тяготиться рамками николаевского режима» (Гросул, Итенберг, Твардовская, Шацилло, Эймонтова, 2000, с. 202). В. Я. Гросул констатирует «довольно заметное расщепление», произошедшее «в середине 50-х годов в стане консерваторов», в результате которого «убежденный проводник официальной народности М. П. Погодин стал ратовать за реформы и даже за некоторое сближение с Западом и если не перешел в стан либералов, то вполне может быть отнесен к типу консерваторов с некоторыми прогрессивными устремлениями...» (Гросул, Итенберг, Твардовская, Шацилло, Эймонтова, 2000, с. 202).

Сколько-нибудь репрезентативный и тем более исчерпывающий аналитический обзор осмысления и трактовки идейного наследия М. П. Погодина в новейшей (постсоветской) российской исторической науке может стать темой отдельного специального исследования и, разумеется, неместим в сюжетные и форматные рамки данной статьи. При этом ввиду его концептуальной значимости или, скорее, заявленного «уровня притязаний» заслуживает полемического упоминания итоговый «идентификационный» тезис из справочной статьи А. А. Ширинянца «Погодин Михаил Петрович» в фундаментальном энциклопедическом словаре «Русский консерватизм XVIII – начала XX века» (М., 2010). В ней М. П. Погодин характеризуется как «виднейший теоретик и пропагандист» т. н. «русского хранительства», представляющего собой, согласно искусственной и малоубедительной авторской конструкции, отдельное «национально-консервативное течение русской общественно-политической мысли XIX в., основой которого были самодержавная монархия как надклассовая сила, защищающая интересы каждого из сословий и общества в целом, православие и народность» (Ширинянец, 2010, с. 371). В то же время высказанное критическое замечание отно-

сительно искусственности и маловразумительности подобной терминологической конструкции может быть отчасти дезавуировано, если рассматривать ее как апологетический и стилистически высокопарный заменитель хрестоматийного пыпинского концепта «официальной народности», судя по всему, неприемлемого для А. А. Ширинянца по принципиальным мотивам.

Выводы. Подводя предварительные итоги нашего проблемно-историографического обзора, можно с уверенностью утверждать, что дальнейший всесторонний анализ развития и трансформации историографического образа Погодина-идеолога в новейшей российской и, возможно, в зарубежной (в данном случае, в американской) исторической науке – в сочетании с осуществленной нами попыткой реконструкции его дооктябрьского и советского этапов – предназначен обрести свой окончательный функциональный смысл в широком контексте будущих обобщающих монографических исследований историографии не только русского «допартийного» консерватизма, но и всей общественной мысли второй половины XVIII – начала XX вв. в исчерпывающем многообразии ее направлений и выдающихся представителей.

Библиографические ссылки

- Ашевский, С. [Столяров, М. Н.] (1900). Политические письма Погодина. *Образование* (12), 1–28.
- Барсуков, Н. П. (1899). *Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн.* (Кн. 13). Санкт-Петербург.
- Васецкий, Г. С. (Ред.) (1955). *Очерки по истории философской и общественной мысли народов СССР: В 2 т.* (т. 1). Москва: Изд-во АН СССР.
- Гросул, В. Я., Итенберг, Б. С., Твардовская, В. А., Шаццлло, К. Ф., Эймонтова, Р. Г. (2000). *Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика.* Москва: Прогресс-Традиция.
- Осват, А. Л. (1989). Барсуков Николай Платонович. *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь* (т. 4: М–Р), 164–165. Москва: Сов. энциклопедия.
- Плеханов, Г. В. (1923). Погодин и борьба классов. *Г. В. Плеханов. Очерки по истории русской общественной мысли XIX века*, 28–67. Москва: Прибой.
- Покровский, В. С. (1952). *История русской политической мысли. (Конспект лекций): В 4 вып.* (Вып. 3). Москва: Госюриздат.

- Пыпин, А. Н. (1909). *Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов.* Санкт-Петербург: Колос.
- Руднев, М. А. (2010). Историографическая судьба славянофильства как «индикатор» понятия «русский консерватизм». *Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Історія та археологія»* (18/1), 227–234.
- Терещенко, В. К. (1975). *Погодин в общественно-идейной борьбе 30–50-х гг. XIX столетия.* Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Москва: МГУ.
- Терещенко, В. К. (1976). Погодин и споры западников и славянофилов в 1840-х гг. *Проблемы истории СССР* (5), 243–270.
- Ширинянец, А. А. (2010). Погодин Михаил Петрович. *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия*, 268–272. Москва: РОССПЭН.

References

- Ashevskiy, S. [Stoliarov, M. N.]. (1900). Politicheskiye pisma Pogodina [Pogodin's political letters]. *Obrazovanie* (12), 1–28 (in Russian).
- Barsukov, N. P. (1899) *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina: V 22 kn.* [Life and works of M. P. Pogodin: in 22 books] (Book 13). Sankt-Petereburg (in Russian).

- Vasetskiy, G. S. (Red) (1955). *Ocherki po istorii filosofskoy i obshchestvennoy mysli narodov SSSR: v 2 t.* [Essays on the history of the philosophical and social thought of the peoples of the USSR: in 2 volumes]. (Vol. 2). Moscow: Izdatelstvo AN SSSR (in Russian).
- Grosul, V. Ya., Itenberg, B. S., Tvardovskaya, V. A., Shatsillo, K. F., Eymontova, R. G. (2000). *Russkiy kon-*

- servatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika. [Russian conservatism at the 19 th century. Ideology and practice].* Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).
- Ospovat, A. L. (1989). Barsukov Nikolay Platonovich [Barsukov Nicholas Platonovich]. *Russkiye pisateli [Russian writers]. 1800–1917. [Biographical Dictionary]* (Vol. 4: M-P) 164–165. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (in Russian).
- Plekhanov, G. V. (1923). Pogodin i borba klassov [Pogodin and the class struggle]. *G. V. Plekhanov. Ocherki po istorii russkoy obshtvennoy mysli XIX veka. [Essays on the history of the Russian social thought of the 19 th century]*, 28–67. Moskva: Priboy (in Russian).
- Pokrovsky, V. S. (1952). *Istoria russkoy politicheskoy mysli. (Konspekt lektsiy): in 3 vyp. [History of the Russian political thought.] (Summary of the lectures): in 3 parts. (Part 3).* Moscow: Gosizdat (in Russian).
- Pypin, A. N. (1909). *Kharakteristiki literaturnykh mneniy ot dvadtsatykh do piatidesiatykh godov. [Descriptions of the literary opinions from the twenties to the fifties].* Sankt-Peterburg: Kolos (in Russian).
- Rudnev, M. A. (2010). Istoriographicheskaya sud'ba slavianofilstva kak indikator poniatiya "russkiy konservatizm" [Historiographical fate of the Slavophilism as the "indicator" of the conception "Russian conservatism"]. *Visnyk Dnipropetrovs'kogo universitetu. Seriya: Istoria ta arheologia. [Dnipropetrovsk University bulletin. History and archaeology series]* 227–234 (in Russian).
- Tereshchenko, V. K. (1975). *Pogodin v obschestvenno-ideynoy borbe 30–50-kh gg. XIX stoletiya. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Pogodin in the social and political struggle at the 30–50 years of the XIX century. The dissertation author's abstract on competition of a degree of the candidate of historical sciences].* Moscow: MGU (in Russian).
- Tereshchenko, V. K. (1976). Pogodin i spory zapadnikov i slavianofilov v 1840-kh gg. [Pogodin and discussions of the Westernizers and the Slavophiles in the 1840 years]. *Problemy istorii SSSR [Problems of history of the USSR]* (5), 243–270 (in Russian).
- Shirinants, A. A. (2010). Pogodin Mikhail Petrovich [Pogodin Michael Petrovich]. *Russkiy konservatizm srediny XVIII – nachala XVIII veka: entsiklopediya [Russian conservatism in the middle 18 th – at the early 20 th century. Encyclopaedia].* Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Надійшла до редколегії 21.05.2018